

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХVI.

1898.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ“ и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	3
А. Н. Веселовскій. Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля	1
С. Ф. Платоновъ. Въ исторіи городовъ и путей на южной окраинѣ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ	81
А. А. Шахматовъ. Житіе Антонія и Печерокая лѣтопись	106
Е. Ф. Вудде. Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка	150

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Н. Соколовъ. Востокъ христіанскій. Путешествіе въ Метеорскій и Осолоимпійскіе монастыри въ Фессалии архимандрита Порфирія Успенскаго въ 1859 году. Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей П. А. Сырку. С.-Пб. 1896	177
Н. В. К. К. Случевскій. По Сѣверо-Западу Россіи. Т. I. По Сѣверу Россіи. Съ картою Сѣвернаго края, отпечатанною въ 6 красокъ и 146 рисунками. Т. II. По Западу Россіи. Съ картою Западнаго края, отпечатанною въ 6 красокъ и 159 рисунками. С.-Пб.	216
Д. Н. Бударевскій. Grundriss der vergleichender Grammatik der indogermanischen Sprachen. VI Band. Syntax von B. Delbrück. Zweiter Theil. Strassbourg. 1897	227
В. В. Синовскій. Нѣсколько словъ по поводу статьи г. I. Мандельштама	237
— Книжныя новости	240
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ)	1

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

— Наши учебныя заведенія: I. Императорскій Московскій университетъ въ 1897 году	1
— II. Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ 1897 году	14

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Н. Ф. Анненскій. Ифигенія — жертва. Античная трагедія	97
---	----

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.
(Вышла 1-го марта).

КЪ ИСТОРИИ ГОРОДОВЪ И ПУТЕЙ НА ЮЖНОЙ ОКРАИНѢ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ XVI ВѢКѢ ¹⁾.

Города „отъ Литовской украинѣ“ Московскаго государства были расположены на верховьяхъ Днѣпра и Десны. Переходя съ этихъ рѣкъ на р. Угру, мы вступаемъ въ новую область — такъ называемыхъ „Заоцкихъ“ городовъ, бывшихъ стариннымъ достояніемъ южнорусскаго княжескаго рода, подпавшихъ затѣмъ литовской власти и перешедшихъ къ Москвѣ на рубежѣ XV и XVI вѣковъ. Вмѣстѣ съ городами „Украинными“ и „Рязанскими“, эти города въ XVI вѣкѣ обращаются уже не противъ Литвы, а противъ татаръ. Съ успѣхами Москвы на западной границѣ противъ литовскихъ князей въ XV-мъ и началѣ XVI вѣка, съ приобрѣтеніемъ Москвою Смоленска, берега Угры и верхней Оки стали безопасны отъ нападений со стороны Литвы, но въ то же время не были хорошо закрыты отъ нападений татаръ. Здѣсь страхъ отъ литовцевъ смѣнился боязнью крымцевъ, и въ глазахъ Московскаго правительства „Заоцкіе города“ входили въ ту полосу земли, которую надо было укрывать съ юга. Поэтому и мы соединяемъ эту группу городовъ въ одномъ очеркѣ съ городами „отъ поля“. Какъ увидимъ ниже, есть для этого и нѣкоторыя другія основанія въ условіяхъ быта изучаемаго пространства.

Подъ именемъ „Заоцкихъ городовъ“ разумѣлись города, расположенные между верхнимъ теченіемъ Оки и рѣками Лужею (притокъ Протвы), Угрою и Жвиздрою; съ запада ихъ районъ ограничивался лѣвыми притоками верхней Десны (точнѣе, рѣкою Болвою). Въ этомъ

---

¹⁾ Настоящая статья имѣетъ цѣлью свести въ общемъ очеркѣ историко-географическія данныя о Московскомъ югѣ XVI вѣка, относящіяся главнымъ образомъ къ вопросу о такъ называемой государственной колонизаціи.

неправильномъ пятиугольничѣ, кромѣ главнаго и крупнѣйшаго города Калуги, находились города: Воротынскъ, Козельскъ, Кременескъ, Лихвинъ, Медынь, Мещовскъ (Мезецкъ), Мосальскъ, Опаково городище (съ Юхновымъ монастыремъ), Перемышль, Серпейскъ. Все это были небольшіе городки, но они лежали въ краю давно населенномъ, довольно плодородномъ и не лишенномъ торговаго оживленія. Черезъ Серпуховъ и Боровскъ было сухопутное сообщеніе съ Москвою; по Окѣ и притокамъ Десны возили товары и сплавливали лѣсъ въ Замосковье и на Сѣверу. О торговлѣ Калуги и о торговомъ рѣчномъ движеніи въ край находимъ не одно извѣстіе отъ XVI—XVII вѣковъ. Въ военномъ же отношеніи большое число Заоцкихъ укрѣпленныхъ городовъ объясняется тѣмъ, что они прикрывали собою подступы къ рѣкѣ Угрѣ и переходъ на линію рѣки Протвы (или Протвы). Значеніе р. Угры въ защитѣ Московскаго центра безспорно было очень велико: стоитъ только вспомнить, что именно здѣсь рѣшился исходъ татарскихъ нашествій 1480 и 1571 годовъ: въ первомъ случаѣ татары успѣли отбить на Угрѣ, во второмъ — татары, перейдя Жиздру и Угру, дошли до самой Москвы. Не даромъ русскій писатель XVI вѣка, говоря о Угрѣ, рѣшился „нарести ту рѣку—поясъ самыя Пречистыя Богородицы, аки твердь отъ поганыхъ защищающу Русскую землю“. При такихъ условіяхъ понятно, что Заоцкіе города сохраняли въ продолженіе всего XVI столѣтія свое военное значеніе; понятно затѣмъ, что тѣ изъ нихъ, которые были обращены на западъ, къ Литовской границѣ, именно Медынь, Опаковъ и Кременескъ, скорѣе перестали быть „городами“ и обратились въ „городища“, чѣмъ крѣпости, обращенныя на югъ: съ запада уже не ждали вражеской грозы, съ юга она не затихала.

Берегами Оки и Жиздры ограничивалась съ востока область Заоцкихъ городовъ и начинались Тульскія мѣста—область Украинныхъ городовъ“. Эта послѣдняя область лежала по самой Окѣ, выше впаденія р. Жиздры, и по р. Упѣ съ ея притоками. Она представляла собою узкую полосу земли, протянувшуюся съ сѣверо-востока на юго-западъ, отъ Серпухова и Каширы до Карачева и Кромъ, и прикрывавшую отъ „поля“ верхнее и среднее (до Каширы) теченіе Оки. Здѣсь были города: Алексинъ, Болховъ, Вѣлевъ, Дѣдиловъ, Карачевъ, Крапивна, Одоевъ, Орель, Таруса и Тула. Сюда же впоследствии причисляли и г. Кромъ, выстроенный въ 1595 году на лѣвомъ берегу Оки на рѣкѣ Кромѣ, на мѣстѣ стараго „Кромскаго городища“. Какъ среди Заоцкихъ городовъ первое мѣсто принадлежало Калугѣ, такъ среди Укра-

нныхъ главное значеніе имѣла Тула. Черезъ нее шла большая дорога отъ Москвы на Сѣверу и въ Кіевъ, черезъ Болховъ и Карачевъ; такъ называемая „Московская“, иначе „Посольская“ дорога направлялась отъ Тулы же на Мценскъ, Кромы и Курскъ; мимо Тулы на Оку проложенъ былъ и знаменитый Муравскій шляхъ, поднимавшійся отъ Ливенъ по водораздѣламъ къ Костомарову броду на рѣкѣ Упѣ. Находясь на линіи важныхъ сообщеній, Тула была торговымъ городомъ: значеніе ея рынка на Московской украинѣ было велико не для одного мѣстнаго населенія, но и для временно приходящихъ на украину войскъ, которыя являлись сюда ежегодно для обороны южныхъ границъ. Въ изучаемое нами время, въ серединѣ и концѣ XVI столѣтія, Украинные города, можно сказать, только еще устранились: Болховъ и Дѣдлово были укрѣплены въ 50-хъ годахъ XVI в., Крапивна и Орелъ—въ 60-хъ. Существовавшія за эти годы въ „полю“ сторожи были „поустроены“, то-есть, упорядочены и преобразованы въ 70-хъ годахъ, послѣ татарскихъ нашествій 1571—1572 гг. Всѣ предпринимаемыя здѣсь правительствомъ мѣры клонились къ тому, чтобы запереть для татаръ пути въ центръ Московскаго государства какъ по лѣвому, такъ и по правому берегу Оки: Болховъ, Орелъ и Кромы охраняли лѣвый берегъ, Крапивна и Дѣдлово усиливали оборону праваго берега.

Тѣмъ же цѣлямъ должны были служить и „Рязанскіе“ города. Стариннымъ центромъ Рязанскихъ поселеній было пространство между рѣками Окою, Осетромъ и Пронею. Здѣсь находились города Переяславль Рязанскій, Зарайскъ, Михайловъ и Пронскъ. Съ запада близки были къ этому пространству, городки Веневъ, Гремячей и Печерники. На югъ отъ Прони въ „Нагайскую сторону“ смотрѣли Ряжскъ, Сапожокъ и Шацкъ. Наконецъ, къ Рязани, по старой традиціи, тянули мѣста по верховьямъ Дона, гдѣ въ XVI вѣкѣ были города Епифань и Донковъ. Всѣ эти города и обозначались общимъ именемъ „Рязанскихъ“. Если Украинные города служили оплотомъ отъ крымцевъ, дороги которыхъ лежали на западъ отъ Дона, на „Крымской сторонѣ“ такъ называемаго „поля“, то Рязанскіе города охраняли Русь по преимуществу отъ „Ногайской стороны“, противъ нашествій съ юго-востока ногайскихъ отрядовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда предполагалось нападеніе крымцевъ черезъ Донскія верховья на Рязань и далѣе на Коломну или Владимиръ, Рязанскимъ городамъ выпадала главная роль и въ борьбѣ съ крымцами. По этой причинѣ въ продолженіе всего XVI вѣка Рязанскій край имѣлъ характеръ военного

округа. Главный городъ края—Переяславль Рязанскій—представлялъ собою сильную крѣпость; Зарайскъ съ 1533 года имѣлъ каменные стѣны, и всѣ прочіе города были укрѣплены. Черноземъ, доходящій съ верховьевъ Дона черезъ Проню почти до Оки, способствовалъ широкому развитію земледѣлія на Рязани, и украинныя Рязанскія мѣста, несмотря на военныя опасности, слыли за обильный и богатый край. По Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ черезъ Коломну къ столицѣ „добрѣ много“ шель изъ Рязани хлѣбъ и другіе припасы; въ смутное время на продовольствіе изъ Рязани рассчитывали всѣ стороны, дѣйствовавшія подъ Москвою. Были у Рязанскаго края и торговыя сношенія съ южными мѣстами, причемъ, разумѣется, главное значеніе имѣлъ Донской путь. На Донъ ѣздили изъ Рязанскихъ мѣстъ или по рѣкамъ Пронѣ, Рановѣ и Хуптѣ на Ряжскъ и Рясское поле въ рѣки Расы и Воронежъ, или же сухимъ путемъ на Донскую пристань Донковъ. Отъ Донкова черезъ Веневскія мѣста на Каширу существовалъ еще особый путь, которымъ могли пользоваться и жители Рязани ¹⁾.

Вотъ, въ краткомъ очеркѣ, составъ той части Московскаго государства, которая находилась на югъ отъ Оки и Угры и еще въ началѣ XVI вѣка считалась какъ бы за рубежами государства. Если на востокъ и западъ изучаемой нами теперь полосы подъ прикрытіемъ старинныхъ крѣпостей „верховскихъ“ и Рязанскихъ населеніе чувствовало себя болѣе или менѣе въ безопасности, то между верхнею Окою и верхнимъ Дономъ, на рѣкахъ Упѣ, Пронѣ и Осетрѣ, русскіе люди до послѣдней трети XVI вѣка были предоставлены собственному мужеству и счастью. Алексанъ, Одоевъ, Тула, Зарайскъ и Михайловъ не могли дать приютъ и опору поселенцу, который стремился поставить свою соху на Тульскомъ и Пронскомъ черноземѣ. Не могли эти крѣпости и задерживать шайки татаръ въ ихъ быстромъ и скрытномъ движеніи къ берегамъ средней Оки. Надо было защи-

¹⁾ М. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Русск. государства, М. 1892, стр. 47—56.—Сказанія Массы и Германа, стр. 235, 243.—Доп. А. И., V, стр. 228—229.—Буссовъ въ „Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріи Сам.“ I, стр. 88.—Рукопись Жолѣвскаго, изд. 2, стр. 91.—С. Середонинъ, „Наказъ кн. М. И. Воронинскому и росписъ полкамъ 1572 года“ въ Запискахъ Имп. Р. Археол. Общ., т. VIII, вып. I и II, стр. 54—58.—Карамзинъ, VI, пр. м. 238.—Книга Больш. Чертежу, изд. Языкова, стр. 88—90, 121.—Извѣтъ старца Варлаама (въ любомъ изданіи): „наняли подводы до Болхова, а изъ Болхова до Карачева, изъ Карачева до Новгородка Сиверскаго“. — Приправочная книга 124 года во „Временникѣ М. О. И. и Др.“, XIII, стр. 1—3.—А. И. II, стр. 299.—Русск. Ист. Библ. I, стр. 151.—Д. Иловайскій, Сочиненія. М. 1884, стр. 199.

тить надежнымъ образомъ и населеніе окраины и дороги внутри страны, въ Замосковье. Московское правительство беретъ за эту задачу въ серединѣ XVI вѣка. Оно сначала укрѣпляетъ мѣста по верховьямъ Оки и Дона, затѣмъ укрѣпляетъ линію рѣки Быстрой Сосны, переходитъ на линію верхняго Сейма и, наконецъ, занимаетъ крѣпостями теченіе рѣки Оскола и верховья Сѣвернаго (или Сѣверскаго) Донца. Все это дѣлается въ теченіе всего четырехъ десятилѣтій, съ энергическою быстротою и по извѣстному плану, который легко открывается позднѣйшему наблюдателю, не смотря на скудость историческаго матеріала для изученія этого дѣла.

Очень извѣстенъ и не одинъ разъ излагался порядокъ обороны южной границы Московскаго государства. Для отраженія врага строились крѣпости и устраивалась укрѣпленная пограничная черта изъ валовъ и засѣкъ, а за укрѣпленіями ставились войска. Для наблюденія же за врагомъ и для предупрежденія его нечаянныхъ набѣговъ выдвигались въ „поле“ за линію укрѣпленій наблюдательные посты— „сторожи“, и развѣзды— „станции“. Вся эта сѣть укрѣпленій и наблюдательныхъ пунктовъ мало по малу спускалась съ сѣвера на югъ, слѣдуя по тѣмъ полевымъ дорогамъ, которыя служили и отрядамъ татаръ. Препраждая эти дороги засѣками и валами, затрудняли доступъ къ бродамъ черезъ рѣки и ручьи и замыкали ту или иную дорогу крѣпостью, мѣсто для которой выбиралось съ большою осмотрительностью, иногда даже въ сторонѣ отъ татарской дороги, но такъ, чтобы крѣпость командовала надъ этою дорогою. Каждый шагъ на югъ, конечно, опирался на уже существовавшую цѣпь укрѣпленій; каждый городъ, возникавшій на „полѣ“, строился трудами людей, взятыхъ изъ другихъ „украинныхъ“ и „польскихъ“ городовъ, населялся ими же и становился по службѣ въ тѣсную связь со всею сѣтью прочихъ городовъ. Связь эта поддерживалась не одними военно-административными распоряженіями, но и всѣмъ складомъ боевой порубежной жизни. Между военными городами болѣе старыми, „украинными“, и новыми „польскими“ нельзя провести опредѣленной границы и очень трудно подмѣтить существенное различіе въ складѣ жизни. Это одинъ военный округъ; части его лучше изучаются въ ихъ совокупности и становятся понятнѣе тогда, когда будутъ поставлены изучающимъ въ связь съ направленіемъ полевыхъ дорогъ, по которымъ московскіе люди сознательно располагали группы укрѣпленныхъ городовъ, „помысли (по словамъ лѣтописи) поставить по сакмамъ татарскимъ городамъ“.

Нельзя сказать, чтобы вся сеть полевыхъ дорогъ была намъ одинаково хорошо известна. Муравскій шляхъ и его восточныя вѣтви, Изюмская и Калміусская сакмы, соединившіяся съ главнымъ шляхомъ недалеко отъ Ливенъ, изучены хорошо. Менѣе обращалось вниманія на западныя вѣтви, которыя отходили отъ Муравскаго шляха южнѣе рѣки Сейма и направлялись черезъ Сеймъ на верховья Оки, на ея лѣвый берегъ; это—дорога Пахнутцова (или Пахнуцкова) и Бакаевъ шляхъ, сѣвернѣе носившій названіе Свиной дороги. Не вполне ясно и направленіе восточныхъ путей, которыми отъ Муравской и Калміусской дорогъ, черезъ рѣки Красивую Мечу и Вязовню, выходили къ Донкову по дорогамъ Турмышской, Дрысинской и др. Наконецъ, на востокъ отъ верхняго Дона мы только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, для XVI вѣка, можемъ указать такъ называемую „Ногайскую“ дорогу, которая шла съ юга на верховья Воронежа по верховьямъ рѣки Битюка и рѣки Цны. Она или пересѣкала рѣку Воронежъ на Торбѣевомъ бродѣ (у нынѣшняго Козлова) и шла на Рязскія мѣста, или же оставляла рѣку Воронежъ влѣво и выходила на Шацкъ и Сапожокъ. Всѣ эти дороги, съ многочисленными ихъ развѣтвленіями, имѣло въ виду Московское правительство, подвигаясь на югъ по „дикому полю“.

Выше мы уже указали на важное значеніе р. Угры, къ берегамъ которой много разъ въ XVI вѣкѣ подходили татарскія войска. Въ 1571 году, ханъ, идя Пахнутцовой дорогою, „перелѣзъ“ Оку чрезъ Быстрый бродъ, верстъ на десять выше впаденія въ нее рѣки Цона (Окона), и направился на Болховъ, а оттуда на Угру. Въ этотъ годъ хана просто не устерегли, хотя и знали о существованіи дороги, которою онъ шелъ, знали, что близко верховья Цона, на водораздѣлѣ между рѣками Цономъ и Навлею (притокомъ Десны), на Молодовой рѣчкѣ „сошлись съ Семи и изъ Рыльска всѣ дороги“. Это были по опредѣленію Книги Вольшому Чертежу: „Свиная дорога отъ Рыльска до Болхова“, „дорога Бакаевъ шляхъ“, которая „на Свиною дорогу пришла изъ-за Семи рѣки“, и „Пахнутцова дорога промежъ (рѣкѣ) Лещина и Хону отъ рѣки Семи въ Мѣлевой бродъ“. Насколько можно сообразить по бѣглымъ упоминаніямъ документовъ, Бакаевъ шляхъ идя на востокъ между рѣками Сеймомъ и Пслоемъ, на ихъ верховьяхъ сплетался своими сакмами съ Муравскимъ шляхомъ. На ихъ соединеніи впоследствии стояла сторожа, „а видѣтъ съ тое сторожи по Муравскому и по Бакаеву шляху въ поле верстъ съ 7 и до рѣки до Псла“. Но здѣсь же дороги и расходились, почему

мѣсто ихъ соединенія и называлось „на Ростанехъ“. Бакаевъ шляхъ отходилъ отъ Муравскаго на сѣверо-западъ, и его направленіе въ этой части опредѣлялось такъ: „сакма татарская лежитъ съ Изюмской и съ Муравской сакмы промежъ Думчей курганъ и рѣки Псла къ Семи Пузатой въ Курскіе мѣста“. Приблизительно здѣсь же отдѣлялась отъ Муравской дороги и Пахнутцова дорога, а именно на верховьяхъ Донецкой Семицы, по лѣвому берегу которой она и уходила на сѣверъ къ рѣкѣ Сейму. Идя по Бакаеву шляху на Свиною дорогу, переходили черезъ р. Сеймъ „подъ Городенскимъ городищемъ ниже Курска верстахъ съ 40“, а идя Пахнутцовой дорогою, переходили Сеймъ выше Курска тоже верстахъ въ 40 отъ него. Располагая такими данными, Московское правительство устраиваетъ надзоръ за всѣми этими дорогами изъ Мценска, Карачева, Рыльска и вновь устроеннаго въ 60-хъ годахъ XVI вѣка города Орла. Изъ Орла сторожи стерегутъ и узелъ дорогъ на Молодовой, и извѣстные намъ броды на Сеймѣ, и Быстрый бродъ на Окѣ. Не довольствуясь этимъ, къ концу XVI вѣка на дорогахъ ставятъ города Кромы, Курскъ и Бѣлгородъ. Кромы построены были между Свиной (Бакаевой) и Пахнутцовой дорогами впереди соединенія ихъ на Молодовой; новый городъ прикрывалъ собою и подступы къ Молодовой и дальнѣйшіе пути отъ Молодовой къ Карачеву и Болхову; въ этомъ было его военное значеніе. Задачею Курска, поставленнаго среди тѣхъ же татарскихъ дорогъ, было защищать переправу черезъ рѣку Сеймъ, а Сеймъ былъ главною естественною преградой на этихъ дорогахъ. Наконецъ, Бѣлгородъ былъ поставленъ вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ отходили отъ Муравскаго шляха дороги и Бакаева и Пахнутцова; закрывая Муравскую дорогу, онъ закрывалъ и переходы съ нея на двѣ прочія, служа такимъ образомъ ключемъ ко всѣмъ къ нимъ. Съ построеніемъ Бѣлгорода путь къ Запцкимъ городамъ, можно сказать, былъ совсѣмъ запертъ: всѣ сакмы съ „поля“ къ верхней Окѣ перешли въ черту государства.

Главная полевая дорога, Муравскій шляхъ, пройдя съ юга между верховьями Ворсклы и Сѣвернаго Донца, а затѣмъ между верховьями Сейма и Оскола направлялась къ рѣкѣ Быстрой Соснѣ, которую и переходила близъ впаденія въ нее рѣчки Ливны съ притокомъ Ливною же. Далѣе, идя между р. Зушею и р. Красивою Мечею, Муравская дорога подходила съ запада къ верховьямъ Упы, пересѣкала Упу на Костомаровомъ бродѣ и уже по правому берегу Упы подходила къ Тулѣ. Отъ Тулы же можно было идти въ любое мѣсто на среднемъ теченіи Оки. Почти до конца XVI вѣка

Московское правительство не занимало крѣпостями Муравскаго шляха южиѣ Тулы. Оно предпочитало прикрывать крѣпостями берега Упы (Крапивна, Одоевъ) и Зуши (Новосиль, Мценскъ, также Чернь), чтобы не допустить врага съ Муравской дороги подойти къ Окѣ и возвратиться въ область Заозкихъ городовъ; съ другой стороны, не рѣшаясь еще занять постоянными укрѣпленіями теченіе Красивой Мечи, оно болѣе близкими крѣпостями Епифанью, Веневую и Дѣдиковымъ закрывало Рязанскія мѣста и дорогу на Каширу и Коломну отъ нападенія со стороны Муравской дороги. Эти чисто оборонительныя линіи укрѣпленій создаются между 50-ми и 70-ми годами XVI вѣка. Въ послѣдней же четверти XVI столѣтія рѣшаются на болѣе смѣлую мѣру—укрѣпить теченіе Быстрой Сосны, представлявшей природную преграду на татарскихъ путяхъ. Къ этому рѣшенію привело, какъ кажется, открытіе новой татарской сакмы, именно Калмиусской, шедшей съ юга на сѣверъ восточиѣ р. Оскола, параллельно его теченію, и выходившей на Быструю Сосну въ тѣхъ же приблизительно мѣстахъ, гдѣ и Муравская дорога. Если бы, какъ принято думать, Калмиусская дорога соединялась съ Муравскою у Ливенъ на, переправѣ черезъ Быструю Сосну, то она не имѣла бы никакого значенія для болѣе сѣверныхъ мѣстностей за Сосною. Но дѣло, кажется, было не такъ. Книга Большому Чертежу дважды отмѣчаетъ направленіе Калмиусской дороги въ сторонѣ отъ Ливенъ, на востокъ; она говоритъ: „на устьѣ рѣки Чернавы на (Быстрой) Соснѣ бродъ: Калмиусская дорога“; и въ другомъ мѣстѣ: „на рѣкѣ Соснѣ на усть-рѣки Чернавы въ городкѣ стоятъ заставныя головы. сотнями перемѣняясь, на Калмиусской дорогѣ“. Изъ этого заключаемъ, что на Ливнахъ Калмиусская дорога лишь однимъ своимъ отрогомъ связывалась съ Муравскою, другими же продолжала идти на сѣверъ восточиѣ Муравской дороги и особо отъ послѣдней переходила черезъ Быструю Сосну на усть-Чернавскомъ, Талицкомъ и другихъ бродахъ. Перейдя Быструю Сосну по Калмиусской сакмѣ, непріятель могъ идти черезъ рѣчки Красивую Мечу и Вязовню, на которыхъ не было городовъ, а только сторожи, прямо на Рязанскія мѣста, къ Донкову, Ряжску и Пронску. Но онъ могъ держаться западнѣе и выйти на Куликово поле, къ истокамъ Упы и Непрядвы, на „верхъ Непрядвы на большую дорогу, которою дорогою царевичи приходили“, а отсюда были открыты пути и на Рязанскій край, и на Каширу черезъ Веневъ. Для того, чтобы оборонить всѣ эти мѣста со стороны новой дороги надобно было защитить броды на Быстрой Соснѣ. Въ 1586 году и

слѣдующихъ возникаютъ на Быстрой Соснѣ города Ливны и Елецъ и „Чернавскій городокъ“. Ливны стали на соединеніи старой Муравской и новой Калміусской дорогъ; Елецъ сталъ на восточныхъ бродахъ черезъ Быструю Сосну, прикрывая собою Красивую Мечу; въ Чернавскомъ городкѣ была промежуточная застава.

Занятіе Быстрой Сосны сопровождалось занятіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ и по среднему теченію Дона. Одинъ и тотъ же государевъ указъ предписалъ (въ 1586 году) построение Ливенъ и города Воронежа „на Дону на Воронежѣ“. Назначеніе новаго Донскаго города было стеречь не только „Нагайскую сторону“ на востокъ отъ Дона, но и „Крымскую“ на западъ отъ него. Воронежъ высылалъ сюда сторожи именно для наблюденія за новою Калміусскою дорогою, которая шла „межъ рѣкъ: правыя рѣчки впали въ Донъ, а лѣвыя въ Донецъ“, Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка (въ 1598—1600 гг.), наблюденіе за новою дорогою было еще усилено. Московскіе гарнизоны перешли на р. Осколь въ новые города: Осколь, Валуйки и Царевъ-Борисовъ, поставленные на мѣстахъ прежнихъ сторожъ. Отсюда они могли дѣйствовать не только на Калміусской дорогѣ, но и на Изюмской, такъ какъ эти города стали между обѣихъ дорогъ. Въ то же время основанъ былъ южнѣе Ливенъ на Муравскомъ шляхѣ и Бѣлгородъ, упомянутый нами выше. Совершенно ясна цѣль, съ которою такъ быстро захватывалось теченіе р. Оскола. По этой судоходной рѣкѣ всего легче было дойти до Сѣвернаго Донца и на его бродахъ пересѣчь татарскіе пути Изюмскій и Калміусскій. Но обстоятельства показали, что тогда съ этимъ дѣломъ черезчуръ поспѣшили: Царевъ-Борисовъ, выдвинутый слишкомъ впередъ, не устоялъ и въ смутное время былъ запустошенъ. Судьба Бѣлгорода была счастливѣе благодаря тому, что онъ не былъ такъ удаленъ отъ Сейма и Быстрой Сосны и былъ поставленъ на удачномъ мѣстѣ. Опираясь на города, защищавшіе теченіе Сейма и Быстрой Сосны, онъ былъ внѣ опасности отъ „поля“; а въ то же время онъ стоялъ на Донцѣ на такомъ мѣстѣ, котораго татарамъ нельзя было миновать, идя по Муравской дорогѣ. Въ одномъ документѣ, современномъ основанію Бѣлгорода, говорится, что „опричь Муравской дороги межъ Донца и Ворскла обходу царю Крымскому и большимъ людямъ (то-есть, значительному войску) иной дороги нѣтъ, опричь Изюмской и Калміусской дороги“. Уклониться на западъ за Ворсклу было нельзя, потому что по Ворсклѣ здѣсь „пришли лѣса большіе, и ржавцы и болота есть“, а идти восточнѣе мѣшалъ Сѣверный Донецъ. Въ этомъ

то тѣсномъ мѣстѣ и построили Бѣлгородъ. Закрывая выходъ на сѣверъ изъ этого пространства между Донцомъ и Ворсклою, онъ, какъ мы уже указали, не позволялъ пользоваться ни Муравскою дорогою, ни дорогами, шедшими отъ нея на сѣверо-западъ, съ верховьевъ Ворсклы и Псла черезъ Сеймъ.

Такъ къ исходу XVI столѣтія Московское правительство овладѣло громаднымъ пространствомъ „дикаго поля“ между Дономъ, верхнею Окою и лѣвыми притоками Днѣпра и Десны.

На Ногайской сторонѣ „поля“, на востокъ отъ Дона, не было такой нужды въ крѣпостяхъ, какъ на Крымской сторонѣ: здѣсь были природныя „крѣпости“. По рѣкамъ Цнѣ и нижней Мокшѣ залегали такіе лѣса, которые не имѣли нужды въ искусственныхъ укрѣпленіяхъ и отлично прикрывали съ востока Шацкія и Рязанскія мѣста; а доступъ сюда съ юга между Дономъ и Цною затруднялся теченіемъ рѣкъ Воронежя, Битюка и Вороны. По документамъ XVI вѣка можно прослѣдить, кажется, только одну „Нагайскую дорогу“ на Рязанскій край. Она шла черезъ верховья Битюка къ водораздѣлу между Мотыремъ (или Матырою—притокъ Воронежя) и Липовицею (притокъ Цны) и отсюда или направлялась на Торбѣевъ бродъ на Воронежѣ (около г. Козлова) и далѣе на Донковъ и Ряжскъ, или же шла между р. Польнымъ Воронежемъ и Челновою (притокъ Цны) на Шацкъ. На этой дорогѣ въ XVI вѣкѣ не ставили городовъ, а ограничивались только сторожами, которыя либо стояли на самой дорогѣ, либо наблюдали за нею со стороны, съ береговъ Дона и Воронежя. На самой дорогѣ были сторожи на Битюгѣ у впаденія въ него Чамлыка, наблюдавшія „сакмы, которыми сакмами ходятъ Заволжскіе ногаи изъ Казыева улуса и Азовскіе люди на государевы украинны, на Рязанскія и на Ряжскія и на Шатцкія мѣста“. Эти сакмы предполагались отъ верховья Цны черезъ Битюкъ до верховьевъ Гавы (или Хавы), впадающей въ Усмань. Вторыя сторожи были на р. Липовицѣ между Цною и Мотыремъ; третьи на Торбѣевомъ бродѣ и на востокъ отъ него до р. Челновой. Отъ Торбѣева брода Ногайская дорога круто поворачивала на западъ къ Дону, и здѣсь на ней стояли сторожи на р. Сквирнѣ (Сквернѣ) и р. Рясакъ, уже не далеко отъ Ряжска и Донкова.

Таковы были результаты работы Московскаго правительства на „дикомъ полѣ“. Можно удивляться тому, какъ много было здѣсь достигнуто въ такой короткій срокъ; но для объясненія дѣла слѣдуетъ помнить, что быстрое движеніе на югъ было возможно между вер-

ховьями Оки и среднемъ Дономъ лишь потому, что съ обѣихъ сторонъ фланги боевыхъ линій были надежно прикрыты. Слѣва самъ Донъ съ притоками и заросшія лѣсами Цна и Мокша служили такимъ прикрытіемъ; справа опорой была такъ называемая „Сѣвера“— старые города по рѣкамъ Деснѣ и нижнему Сейму. Эти города и составляли послѣдній районъ Московскаго юга. Приобрѣтенные въ началѣ XVI столѣтія отъ Литвы, не разъ бывшіе ареною борьбы, они носили опредѣленный отпечатокъ боевой жизни. Занимая течение двухъ крупныхъ рѣкъ, Десны и Сейма, они дѣлились естественнымъ образомъ на двѣ группы: городовъ по Деснѣ и городовъ по Сейму. На Деснѣ стояли Брянскъ, Трубчевскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ и Моревскъ. Всѣ они имѣли значеніе крѣпостей, обращенныхъ на Литву. Впереди ихъ, еще ближе къ Литовскому рубежу расположены были Мглинъ, Почепъ и Стародубъ, а также мелкіе острожки и замки въ родѣ Дрокова (Дракова) и Поповой горы. Это была одна группа городовъ. Другую составляли Путивль и Рыльскъ, расположенные на Сеймѣ и обращенные къ „полю“, на которое они высылали сторожи противъ татаръ. На татаръ же былъ обращенъ и Сѣвскъ съ Комарицкою волостью, ему принадлежавшей; хотя онъ находился въ области Десны, а не Сейма, но онъ былъ укрытъ отъ Литвы лѣсами, шедшими по Деснѣ отъ Брянска, и смотрѣлъ на Свиную дорогу, которою пользовались татары. Область Сѣверскихъ городовъ отдѣлялась отъ Смоленской большими лѣсами. Собщеніе Сѣверы съ Смоленскомъ было черезъ Брянскъ и Рославль; но тотъ же Брянскъ близокъ былъ къ Козельску, Карачеву и Вѣлеву и связывалъ Сѣверу съ Запцкими городами. Въ этомъ заключалось его значеніе. Южнѣе первое мѣсто, принадлежало Путивлю: въ XVI вѣкѣ онъ былъ одинаково близокъ и къ „дикому полю“ и къ Литовско-польскому рубежу. Почти у стѣнъ Путивля сходились Московская и Польско-литовская границы и между ними клиномъ къ Путивлю врѣзывалось „поле“, еще не освоенное ни тѣмъ, ни другимъ государствомъ. Такое положеніе, лицомъ къ лицу съ двумя врагами, придавало Путивлю особенную военную важность: не даромъ онъ имѣлъ каменную крѣпость и считался главнымъ городомъ края. Изъ прочихъ городовъ крупнѣйшими были: Черниговъ, Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскій. Черезъ Сѣверу пролегали дороги, соединявшія Московскій центръ съ Киевомъ и Польшею; Сѣвера имѣла нѣкоторое торговое оживленіе, такъ какъ была богата лѣсомъ и медомъ, торговала коноплею, имѣла

каменоломни по рѣкамъ Нерусѣ, Усожѣ и Свапѣ, гдѣ добывался „жерновой камень“¹⁾).

Мы закончили обзоръ южной части Московскаго государства XVI вѣка и представили перечень областей, на какія она дѣлилась. Не одинъ разъ мы называли все это пространство „военнымъ округомъ“. Дѣйствительно потребностями народной обороны обусловливались здѣсь всѣ правительственныя дѣйствія и опредѣлялся складъ общественной жизни и хозяйственной дѣятельности. Свойства врага, котораго надлежало здѣсь остерегаться и съ которымъ приходилось бороться, были своеобразны: это былъ степной хищникъ, подвижной и дерзкій, но въ то же время нестойкій и неуловимый. Онъ „искрадывалъ“ русскую Украину, а не воевалъ ее открытою войною; онъ полонилъ, грабилъ и пустошилъ страну, но не завоевывалъ ее; онъ держалъ московскихъ людей въ постоянномъ страхѣ своего набѣга, но въ то же время онъ не пытался отнять навсегда или даже временно присвоить земли на которыя налеталъ внезапною, но короткою грозою. Поэтому столь же своеобразны были и формы украинной организаціи, предназначенной на борьбу съ такимъ врагомъ. Рядъ крѣпостей стоялъ на границѣ; въ нихъ жилъ постоянный гарнизонъ и было приготовлено мѣсто для окрестнаго населенія, на тотъ случай, если ему при нашествіи врага будетъ необходимо и по времени возможно укрыться за стѣны крѣпости. Изъ крѣпостей рассылаются развѣдочные отряды для наблюденія за появленіемъ татаръ, а въ опредѣленное время года въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ собираются большія массы войскъ въ ожиданіи крупнаго набѣга крымскаго „царя“. Всѣ мелочи крѣпостной жизни, всѣ маршруты развѣдочныхъ партій, вся „береговая“ или „полевая“ служба, какъ ее называли, — словомъ вся совокупность оборонительныхъ мѣръ опредѣлена наказами и „росписями“. Самымъ

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, стр. 26.—Книга Больш. Чертежу, изд. *Львова*, стр. 4, 43, 108.—Акт. Моск. Гос. I, стр. 9 и 24; 12 и 22; 11.—Книга Больш. Чертежу, стр. 83, 113; 87, 108.—*Д. Базалый*, О сторож., станичн. и полевой службѣ, стр. 60, § 6.—*Д. Базалый*, Матеріалы для ист. колонизаціи и пр., II, стр. 10; сравн. I, стр. 136.—Акт. Моск. Гос. I, стр. 11 и 27; сравн. № 88. — Акт. Моск. Гос. I, № 28, 81; также стр. 9, 10, 24, 25.—Городъ Ливны и Ливенскій уѣздъ *Д. Артемьева*. С.-Ииб. 1860 г. (Изъ *Ж. М. Вн. Д.*, ч. XL).—*Д. Базалый*, Матеріалы I, № 1 и 2; II, № 1.—Спеціальная карта Европ. Россіи (10 верстъ въ дюймѣ), изд. Военно-топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба. — *Костомаровъ*, Очеркъ торговли, стр. 138, 318.—*Ольблннъ*, Обзорніе ист.-географич. матеріаловъ, стр. 392—393.

мелочнымъ образомъ заботятся о томъ, чтобы быть „устороживше“, и предписываютъ крайнюю осмотрительность. А между тѣмъ, не смотря на опасности, на всемъ пространствѣ укрѣпленной границы живетъ и подвигается впередъ, все южнѣе, земледѣльческое и промышленное населеніе; оно не только безъ разрѣшенія, но и безъ вѣдома власти осѣдаетъ на новыхъ земляхъ, въ своихъ „юртахъ“, пашенныхъ заимкахъ и звѣропромышленныхъ угодьяхъ. Стремленіе Московскаго населенія на югъ изъ центра государства было такъ энергично, что выбрасывало наиболѣе предприимчивые элементы даже вовсе за границу крѣпостей, гдѣ защитою поселенца была уже не засѣвка или городской валъ, а природныя „крѣпости“: лѣсная чаща и теченіе лѣсной же рѣчки. Недоступный конному степняку-грабителю, лѣсъ для русскаго поселенца былъ и убѣжищемъ и кормильцемъ. Рыболовство въ лѣсныхъ озерахъ и рѣкахъ, охота и бортничество привлекало поселенцевъ именно въ лѣса. Одинъ изъ изслѣдователей заселенія нашего „поля“ (г. Миклашевскій), отмѣчая расположеніе поселковъ на украинѣ по рѣкамъ и лѣсамъ, справедливо говоритъ, что „русскій человекъ, передвигавшійся изъ сѣверныхъ областей государства, не поселялся въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ; не лѣсъ, а степь останавливала его движеніе“. Такимъ образомъ, рядомъ съ правительственною заимкою „поля“ происходила и частная. И та и другая, изучивъ свойства врага и средства борьбы съ нимъ, шли смѣло впередъ; и та и другая держались рѣкъ и пользовались лѣсными пространствами для обороны дорогъ и жилищъ; тѣмъ чаще должны были встрѣчаться и вліять другъ на друга оба колонизаторскихъ движенія. И дѣйствительно правительство часто настигало поселенцевъ на ихъ юртахъ; оно налагало свою руку на частнозаймочныя земли, оставляло ихъ въ пользованіи владѣльцевъ уже на помѣстномъ правѣ и привлекало населеніе вновь занятыхъ мѣстъ къ официальному участію въ оборонѣ границы. Оно въ данномъ случаѣ опиралось на ранѣе сложившуюся здѣсь хозяйственную дѣятельность и пользовалось уже существовавшими здѣсь общественными силами. Но въ свою очередь вновь занимаемая правительствомъ позиція становилась базисомъ дальнѣйшаго народнаго движенія въ „поле“: отъ новыхъ крѣпостей шли далѣе новыя заимки. Подобнымъ взаимодействіемъ всего лучше можно объяснить тотъ изумительно быстрый успѣхъ въ движеніи на югъ московскаго правительства, съ которымъ мы ознакомились на предшествующихъ страницахъ. Остерегаясь общаго врага, обѣ силы, и общество и правительство въ то

же время какъ бы непрерывно идутъ ему на встрѣчу, и взаимною поддержкою умножаютъ свои силы и энергію.

Однако быстрота, съ какою правительство подвигало на югъ свои боевыя линіи, стала къ концу XVI вѣка такъ велика, что предупредила свободную колонизацію верховьевъ Сейма, Сѣвернаго Донца и Оскола. За Быстрою Сосною на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ еще не было сколько нибудь замѣтнаго населенія внѣ новыхъ, только что возникшихъ крѣпостей; по крайней мѣрѣ Маржереть, одаренный хорошею наблюдательностью, отмѣтилъ, что въ сторону „поля“ Россія обитаема только до Ливенъ, а далѣе „жители осмѣливаются воздѣлывать землю только въ окрестностяхъ городовъ“. Чѣмъ южнѣе уходилъ въ „дикое поле“ московскія войска, тѣмъ менѣе, разумѣется, правительство могло рассчитывать на поддержку вольныхъ колонистовъ, которые за нимъ уже не поспѣвали, и тѣмъ искусственнѣе создавались штаты городскихъ гарнизоновъ и пограничной стражи. Различіе не только въ степени населенности, но и въ самыхъ типахъ населенія очень замѣтно между городами, ставшими на изстари населенныхъ мѣстахъ, и городами, построенными на новозаятыхъ земляхъ. Болѣе сѣверные города изучаемой полосы приближаются по составу своего населенія къ военнымъ городамъ, стоявшимъ на самой Окѣ и на Литовской границѣ. Въ массѣ ихъ жителей преобладаетъ служилый людъ съ своими „дворниками“; но рядомъ есть посадъ и торгъ, есть люди, живущіе отъ промысла и торговли. Городъ окруженъ густою сѣтью помѣстныхъ владѣній, въ которыхъ видимъ обычную картину хозяйства, основаннаго на крестьянскомъ трудѣ и поверженнаго въ кризисъ его неустойчивостью. Помѣстья эти, судя по „окладамъ“, принадлежать не мелкопомѣстному люду; въ его средѣ находимъ всѣ „статья“: и „выборъ“, и „дворовыхъ“, и просто „городовыхъ“ дѣтей боярскихъ. Словомъ, въ ближайшихъ къ центру государства городахъ мы попадаемъ въ обстановку, заставляющую насъ забыть, что мы уже на югѣ отъ Оки, въ украинныхъ мѣстахъ. Не то въ городахъ новыхъ, основанныхъ по стратегическимъ соображеніямъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше не было прочныхъ поселковъ и сколько-нибудь замѣтнаго осѣдлаго населенія. Здѣсь, на „дикомъ полѣ“, господствуетъ, и въ городахъ, и внѣ ихъ, та малозученная, но очень интересная во многихъ отношеніяхъ среда, которую мы знаемъ подъ именемъ „приборныхъ“ людей: стрѣльцовъ, атамановъ, казаковъ, вѣдочковъ, сторожей, вожей и т. п. Служилые люди по роду своихъ обязанностей, они были земледѣльцами не только на

своихъ отъ правительства имъ данныхъ вблизи города земляхъ, но и на казенной государственной „десятинной“ пашнѣ, которая иногда съ лихою замѣняла имъ боярскую пашню московскаго центра. Прикрѣпленные къ государственной службѣ и къ своей стрѣлцкой или казачьей слободѣ, эти люди вовсе не были похожи на служилыхъ людей центральной полосы, дѣтей боярскихъ, ни родомъ службы, ни характеромъ землевладѣнія, ни высотой общественнаго положенія. Если дѣти боярскіе и являлись среди нихъ, то въ роли ихъ начальниковъ и руководителей, или же какъ высшій привилегированный слой. Обыкновенные средняго разбора дѣти боярскіе казались крупными и льготными землевладѣльцами по сравненію съ украинскими людьми, которыхъ можно лучше всего опредѣлить, какъ вооруженныхъ земледѣльцевъ, обязанныхъ государству не только ратною службою, но и земледѣльческимъ трудомъ. Между столь различными типами украинскихъ городовъ наблюдается и промежуточный типъ со всѣми особенностями переходныхъ формъ. Старинные привычные для московскаго человека элементы городскаго и уѣзднаго строя здѣсь на лицо: есть и служилый людъ, и посадскій, и крестьяне. Но рядомъ съ ними есть и новые слои—приборный людъ. При этомъ и старое и новое, влияя одно на другое, одинаково отступаетъ отъ установившейся традиціи или нормы. Дѣти боярскіе, верстанные изъ казаковъ, выступаютъ въ качествѣ мелкопомѣстной крѣпостной пѣхоты. Служилые казаки, и не мѣняя своего названія, получаютъ помѣстья. Между дѣтьми боярскими и „помѣстными“ казаками стоятъ доселѣ загадочные „бѣломѣстные атаманы“, которые служатъ „атаманскую службу“. Города переходнаго типа по составу жителей сложнѣе прочихъ и потому изучаются не съ надлежащею отчетливостію и ясностію.

Далеко не обо всѣхъ южныхъ городахъ есть у насъ за XVI вѣкъ такія свѣдѣнія, которыя позволили бы дать полную и точную характеристику всѣхъ этихъ городовъ. Но тѣмъ не менѣе на основаніи данныхъ, которыми мы располагаемъ, можно представить примѣры всѣхъ трехъ указанныхъ выше типовъ.

Къ типу старыхъ городовъ, подходящихъ къ городамъ центра, прежде всего принадлежатъ Калуга, Тула и Переяславль Рязанскій—главные города изучаемой полосы. Въ каждомъ изъ нихъ, рядомъ съ „городомъ“, то-есть цитаделью, существовалъ посадъ. Въ 1626 году, вскорѣ послѣ смуты и разореній, пережитыхъ Калугою въ 1618 и 1622, годахъ отъ враговъ и пожара, на Калужскомъ посадѣ считали 171 дворъ тяглый, да 102 обнищавшихъ двора; въ 1654 году въ моръ,

по официальному счету, въ Калугѣ умерло 1886 человекъ, а осталось 980. Такія цифры рисуютъ намъ Калугу съ значительнымъ населеніемъ въ XVII вѣкѣ и съ развитымъ посадомъ (не менѣе 250—300 дворовъ) въ XVI вѣкѣ. Отъ XVII вѣка сохранились указанія и на дѣятельность Калужской таможи, намекающія на существованіе торговаго движенія и товарныхъ складовъ въ Калугѣ. Тула, уже съ начала XVI столѣтія имѣвшая каменный кремль, была очень сильною крѣпостью. Въ ней въ 1588—1589 годахъ насчитывается не менѣе 440 дворовладѣльцевъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, за которыми было записано до 800 дворовъ и дворовыхъ мѣстъ; на этихъ дворахъ жило не менѣе 325 дворниковъ. Сверхъ того въ Тульскихъ слободахъ были помѣщены ратные люди низшихъ разрядовъ, числа которыхъ точно опредѣлить нельзя. Въ Тульской книгѣ 1588—1589 годовъ находятся упоминанія приблизительно о 50 стрѣльцахъ, 50 затинщикахъ, 28 пушкаряхъ, 16 воротникахъ; но этимъ не ограничивалось число такихъ служилыхъ людей. Была въ Тулѣ и особая слобода „черкасъ“, то-есть выходцевъ изъ Польско-литовской украинны; московскій обычай обращалъ такихъ выходцевъ въ особый „чинъ“ служилыхъ же людей. Размѣры Тульского посада въ XVI вѣкѣ неизвѣстны; для 1625 года имѣемъ цифры: 158 тяглыхъ двора, 62 бѣдныхъ дворника и 38 пустыхъ двора. На небольшую торговую силу Тульского посада намекаютъ данныя о состояніи Тульского рынка: на немъ около 300 лавокъ и до 150 меньшихъ торговыхъ помѣщеній (скамеекъ, шелашей и т. д.); но изъ общаго числа 450 помѣщеній чернымъ посадскимъ людямъ не принадлежитъ и сотни: они владѣютъ только 24% изъ всего числа лавокъ и шелашей. Остальная же масса принадлежитъ ратнымъ людямъ изъ слободъ и дворникамъ. Въ рукахъ дворниковъ, а не посадскихъ людей, находилась и ремесленная дѣятельность Тулы: дворники въ числѣ ремесленниковъ въ Тулѣ составляли двѣ трети, даже болѣе. Какъ ни приблизительны эти числовыя данныя, онѣ однако убѣждаютъ въ томъ, что Тульскій посадъ, безотносительно крупный, не былъ хозяиномъ въ торгово-промышленной жизни своего города. Онъ испытывалъ ту же участь, какъ и военные города на средней Окѣ, въ которыхъ военная слобода угнетала и медленно уничтожала посадъ. Таково же было положеніе дѣлъ и въ Переяславлѣ на Рязани. Здѣсь на торгу въ 1595—1597 годахъ было 150 лавокъ, болѣе 100 „полковъ“ и около 80 иныхъ торговыхъ помѣщеній, а съ кузницами, харчевнями и т. п. всего до 400 торгово-промышленныхъ заведеній. Изъ нихъ только 65, или

16%, принадлежало чернымъ посадскимъ людямъ. Остальное сосредоточилось въ рукахъ или ратныхъ людей, или же людей зависѣвшихъ отъ служилыхъ и церковныхъ землевладѣльцевъ: дворниковъ и крестьянъ. Обиліе ратныхъ людей наблюдаемъ и въ Переяславлѣ Рязанскомъ: здѣсь есть стрѣльцы, затышники и пушкари; есть даже казаки. Словомъ, въ большихъ городахъ на Московской украинѣ мы видимъ то же, что въ Коломнѣ, Серпуховѣ и Можайскѣ: городъ служитъ одновременно дѣламъ военно-административнымъ и культурно-хозяйственнымъ. Обращая его въ крѣпость, заботясь о ея усиленіи, правительство дѣлаетъ городъ средоточіемъ военнаго люда, который, обживаясь въ городѣ и входя въ условія городской жизни, принимаетъ участіе въ торгово-промышленной дѣятельности кореннаго посадскаго населенія. При этомъ посадская тяглая община или слабѣетъ и никнетъ, не выдерживая конкуренціи, или же играетъ въ городѣ послѣднюю роль въ ряду прочихъ существующихъ рядомъ съ ней организацій. Такова фizioномія главнѣйшихъ украинныхъ городовъ. Въ ихъ число можно включить и Зарайскъ съ его каменнымъ кремлемъ и значительнымъ посадомъ. На этомъ посадѣ въ 1595 году было болѣе 200 тяглыхъ и бобыльскихъ дворовъ и нѣсколько дворовыхъ мѣсть пустыхъ; въ двухъ монастырскихъ слободахъ насчитывали 87 дворовъ; въ крѣпости и на посадѣ сверхъ того было 169 дворовъ помѣщиковъ Рязанскихъ и „Каширскихъ“, очевидно, помѣщеныхъ здѣсь послѣ разоренія Каширы крымцами. Въ помѣщиковыхъ дворахъ записано было 198 человекъ „дворниковъ“; число это интересно потому, что оно почти равнялось числу тяглыхъ людей, которыхъ записали 208 (не считая бобылей; „бобыльскіе дворы въ сошное письмо не положены“). Къ сожалѣнію, нельзя точно опредѣлить, какъ распредѣлены были между городскими жителями 326 торговавшихъ лавокъ и скамей (изъ общаго числа 400 торговыхъ помѣщеній въ Зарайскѣ); но разумѣется, и здѣсь посадскіе тяглые люди не пользовались исключительнымъ правомъ на городскую торгъ и промыселъ.

За этими, сравнительно большими городами слѣдуютъ менѣе крупные, сохранившіе у себя остатки старыхъ посадовъ, или же образовавшіе вновь небольшія посадскія общины. Таковы Бѣлевъ, Веневъ, Воротыньскъ, Дѣдиловъ, Епифанъ, Лихвинъ, Мещовскъ, Перемышль и Путывль. О Путывлѣ, къ сожалѣнію, имѣемъ свѣдѣнія не ранѣе 1626—1628 годовъ. Въ это время въ немъ было всего 60 тяглыхъ, да нѣсколько обнищавшихъ посадскихъ дворовъ. Изъ 150

слишкомъ торговыхъ помѣщеній на Путивльскомъ рынкѣ посадскимъ принадлежало всего около 25; въ остальныхъ торговали ратные люди. Посадъ Путивльскій былъ такимъ образомъ малъ и слабъ. Но населенность Путивля была, несомнѣнно, велика. Подъ стѣнами Путивльской крѣпости, кромѣ значительнаго гарнизона въ служилыхъ слободахъ, жили монастырскіе люди въ своихъ слободахъ, въ которыхъ число дворовъ считалось сотнями. Какъ старый военный городъ, Путивль, очевидно, испыталъ одну участь съ прочими подобными: господство на рынкѣ и въ промыслахъ перешло въ немъ отъ посадскихъ къ военнымъ и частно-зависимымъ людямъ. Изъ прочихъ названныхъ городовъ только въ Бѣлевѣ былъ, кажется, значительный посадъ, отъ котораго въ 1620 году осталось 24 жилыхъ посадскихъ двора, да 88 пусгыхъ мѣсть дворовыхъ. Новый городъ „Городенскъ на Веневѣ“ или Веневъ въ 1572 году имѣлъ 77 дворовъ крестьянъ и иныхъ людей, „которые садились на льготѣ ново“ и должны были образовать посадъ. Столько же было жилыхъ дворовъ черныхъ людей (72) и въ другомъ новомъ городкѣ Епифани. Въ прочихъ число посадскихъ тяглыхъ дворовъ не превышало трехъ-четырехъ десятковъ. Нѣкоторые же старые города къ срединѣ XVII вѣка уже вовсе лишились посадовъ. По воеводскимъ отпискамъ 1651 года, въ Алексинѣ, Козельскѣ и Мценскѣ совсѣмъ не было посадскихъ людей; въ Пронскѣ ихъ не видно уже въ концѣ XVI вѣка. За то выросталъ въ нихъ служилый элементъ. Во всѣхъ этихъ городахъ были стрѣльцы и прочіе гарнизонные люди, а со времени переустройства сторожевой службы на „полѣ“, съ 1571 года, въ эти города усиленно вербовали казаковъ. По Епифанской писцовой книгѣ 1572 года и по Дѣдмловской 1588—1589 годовъ мы можемъ прослѣдить, какъ это дѣлалось, какъ образовывались казачьи слободы около крѣпостей и какъ дворы посадскихъ людей сносились ради этого съ тѣхъ мѣсть, гдѣ были, въ „черную слободу“. Приказная же справка 1577 года показываетъ намъ, что для каждаго города было даже опредѣлено необходимое число казаковъ: для Шацка 150, Рязска 200, Епифани 700, Дѣдмлова 500 и т. д. Такимъ образомъ происходило превращеніе стараго города въ постоянный лагерь пограничной милиціи подъ давленіемъ военныхъ мѣропріятій, направленныхъ на лучшее устройство народной обороны.

Что касается до уѣздовъ изучаемыхъ теперь городовъ, то мы можемъ судить о составѣ землевладѣнія и населенія въ нихъ по изданнымъ писцовымъ книгамъ XVI и отчасти XVII вѣка Бѣлевскимъ

Медынскимъ, Тульскимъ, Каширскимъ, Веневскимъ, Рязанскимъ. На всемъ пространствѣ отъ верхней Оки и до Прони наблюдаемъ развитіе помѣстнаго и вотчиннаго владѣнія какъ на земляхъ давно занятыхъ, такъ и на новыхъ „займищахъ“. На украинное хозяйство садятся здѣсь не одни мелкіе люди, привязанные службой къ южному городу, но и московская знать. Въ Веневскихъ и Епифанскихъ мѣстахъ колонизаторомъ является князь И. О. Мстиславскій; въ Зарайскѣ помѣщиками сидѣли князья Волконскіе и Кропоткины; тѣхъ же Волконскихъ видимъ и въ Тульскомъ уѣздѣ; въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ была вотчина князей Голицыныхъ, въ Рязкомъ — вотчина князя Т. С. Трубецкаго. Вообще же вотчинная собственность здѣсь мало замѣтна при широкомъ распространѣніи помѣстья. Въ Каширскомъ уѣздѣ, большая часть котораго лежала на правомъ берегу Оки, насчитывается 546 помѣщичьихъ дворовъ, въ Тульскомъ—521; вотчинныя же земли встрѣчаются въ этихъ уѣздахъ въ единичныхъ случаяхъ, и то болѣе за монастырями. Монастыри здѣсь вообще не обладаютъ такими пространствами земли, какъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ. Крестьянство, не зависящее отъ помѣщика и вотчинника, замѣтно только въ дворцовыхъ селахъ и деревняхъ около Венева, но эти села и деревни взяты на государя изъ-за князя Мстиславскаго, изъ частной вотчины. Такимъ образомъ, какъ украинный городъ, такъ и украинный уѣздъ были одинаково мѣстомъ развитія служилаго землевладѣнія и дворовладѣнія. Во второй половинѣ XVI столѣтія служилое землевладѣніе на украинѣ несомнѣнно дѣлаетъ успѣхи: украинныя мѣста наполняются „приходцами“ съ сѣвера и количество запашки возрастаетъ. Тульскія писцовыя книги даютъ намъ интереснѣйшія въ этомъ отношеніи показанія: въ Тульскомъ уѣздѣ съ 98 по 97 годъ (то-есть, съ 1585 по 1589 г.) прибыло „изъ пуста въ живущее“ 9.775 четей доброю землею. Значеніе этой цифры станетъ вполне ясно тогда, когда мы скажемъ, что въ 1585 году было всего „пашни паханой“ 7.969 четей, а въ 1589 г. стало ея 17.745 чети. Въ этотъ счетъ не входитъ „посадская“ пашня; монастырской земли кругомъ Тулы было мало; такимъ образомъ весь приростъ мы вправѣ отнести на успѣхи служилаго и по преимуществу помѣстнаго землевладѣнія.

Въ названныхъ уѣздахъ земельныя дачи „приборныхъ“ людей, именно „деревни казачьи“, едва замѣтны. Напротивъ, въ городахъ на „полѣ“ господствующій видъ землевладѣнія, даже почти единственный, представляютъ собою помѣстья приборныхъ людей и ихъ

свободныя займки, „юрты“, приравненныя къ извѣстному помѣстному окладу. Трудями гг. Багалѣя и особенно Миклашевскаго достаточно разъясненъ порядокъ заселенія новыхъ мѣстъ на польской украинѣ, и намъ остается только собрать ихъ указанія въ краткій очеркъ. Мы уже отмѣчали не разъ, что какъ движеніе правительственныхъ отрядовъ, такъ и свободная заника земли въ „полѣ“ держались теченія рѣкъ. Новые города возникали обыкновенно при рѣкѣ, и близъ той же рѣки намѣчались и земли для служилыхъ городскихъ людей, такъ что область новаго уѣзда совпадала съ бассейномъ рѣки, на которой сталъ городъ. Московскіе воеводы съ отрядомъ служилыхъ людей являлись на мѣсто, гдѣ указано было ставить городъ, и начинали работы; въ то же время они собирали свѣдѣнія „по рѣчкамъ“ о томъ, были ли здѣсь свободныя займки земель. Узнавъ о существованіи вольнаго населенія, они приглашали его къ себѣ. „велили со всѣхъ рѣкъ атаманомъ и казакомъ лучшимъ быти къ себѣ въ городъ“: государевымъ именемъ „жаловали“ имъ, то-есть, укрѣпляли за ними ихъ юрты; затѣмъ они составляли списокъ этихъ атамановъ и казаковъ и привлекали ихъ къ службѣ государственной по оборонѣ границъ и новаго города. Это и было первое зерно зарождавшагося здѣсь служилаго класса. Вторымъ былъ пришлый гарнизонъ новаго города. Мѣняясь въ извѣстные сроки въ „своемъ составѣ“, онъ служилъ какъ бы кадромъ, съ помощью котораго устраивались по немногу постоянныя группы городского населенія: стрѣльцы, казаки, ѣздоки, вожи, пушкари и т. п. Всѣ эти группы составлялись или путемъ перевода и перехода ратныхъ людей изъ другихъ городовъ на „вѣчное житье“ въ новый городъ, или же путемъ „прибора“ въ службу свободныхъ, „гулящихъ“ людей. Каждая группа устраивалась при крѣпости въ особыхъ „слободахъ“; слободы окружали первоначальную крѣпость, „городъ“, и сами бывали обнесены валомъ и стѣною, „острогомъ“. За предѣлами острога выростали впоследствии такія же слободы. „новоприборныя“ и иныя. Обеспечивался гарнизонъ новой крѣпости на первыхъ порахъ готовыми запасами, доставленными съ сѣвера, изъ другихъ городовъ, а затѣмъ—собственною пашнею на землѣ, которую ратные люди получали кругомъ своего города. Къ пашнямъ, отводимымъ въ очень небольшихъ количествахъ, присоединялись всякія угодья. Земли обыкновенно давались каждой группѣ служилыхъ людей отдѣльно отъ прочихъ группъ, въ общей межѣ, въ количествѣ равномъ для всѣхъ лицъ данной группы. По обстоятельствамъ пахотная земля этихъ горожанъ иногда бывала отво-

дима не близко отъ города, и тогда ее обрабатывали „наѣздомъ“, выѣзжая изъ города. Пользованіе угодьями, особенно же лѣсными пасѣками, также выводило служилыхъ людей изъ городскихъ стѣнъ. Городъ былъ устроенъ, словомъ, такъ, что его населеніе неизбѣжно должно было работать въ его уѣздѣ и поэтому колонизовало мѣста иногда очень далекія отъ городской черты. Въ свою очередь насельники края съ своими юртами обращались въ помѣщиковъ, служившихъ съ своей земли и тянувшихъ службою и землею къ тому же городу. Наконецъ, высылаемые сюда изъ сѣверныхъ городовъ на сторожевую службу дѣти боярскіе обзаводились здѣсь помѣстьями и вотчинами и составляли малочисленную сравнительно группу высшихъ по „чину“ и крупнѣйшихъ по количеству земли владѣльцевъ и собственниковъ. Такъ сплеталась въ уѣздѣ сѣть земельныхъ владѣній, или созданныхъ военно-административными мѣропріятіями правительства, или же пересозданныхъ изъ вольной заимки въ условную форму служилой собственности. Попадавшій въ эту сѣть крестьянинъ садился уже на частновладѣльческую землю, чаще же попадалъ въ ратную приборную службу. Крестьянскіе дворы въ нѣкоторыхъ уѣздахъ почти отсутствовали; а въ Бѣлгородскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ, въ которыхъ наблюдалось въ началѣ XVII вѣка сравнительно большое число крестьянскихъ дворовъ, на одного помѣщика приходилось среднимъ числомъ не болѣе одного крестьянскаго двора и одного бобыльскаго, и едва ли не большинство помѣщиковъ обрабатывало землю личнымъ трудомъ. Врядъ ли такое отношеніе было благоприятнѣе для помѣщиковъ въ XVI вѣкѣ, когда на „полѣ“ только что возникали и устраивались города и шла усиленная вербовка въ ихъ гарнизоны ратныхъ людей. На помѣщичью пашню врядъ ли здѣсь охотно садился люди, приходившіе на украину искать земель: имъ лучше было сѣсть на свою служилую землю, если не удавалось просто „погулять на полѣ“ или „показаковать“. Крупнаго монастырскаго или боярскаго землевладѣнія на „полѣ“ въ XVI вѣкѣ не видимъ; здѣсь господствуетъ мелкопомѣстное хозяйство, и есть только одна крупная запашка—на „государевой десятинной пашнѣ“, которую пахали по наряду, сверхъ своей собственной, всѣ мелкіе ратные люди изъ городовъ. Эта пашня была заведена для пополненія казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ.

Таковъ составъ южнаго Московскаго уѣзда. Онъ такъ же однороденъ, какъ и составъ сѣвернаго уѣзда; только тамъ населеніе сплошь промышленное, а здѣсь исключительно служилое, военно-земледѣль-

ческое. Южный уѣздъ такъ же, какъ и сѣверный крѣпко связанъ съ своимъ городомъ; но на сѣверѣ эта связь основана на отношеніяхъ экономическаго порядка, а здѣсь на военно-административныхъ. На сѣверѣ преобладающее значеніе имѣютъ представители крупнаго земельного и торговаго капитала; на югѣ, на „полѣ“ — мелкопомѣстный людъ, сильный военною организаціею. Трудно представить себѣ что-либо болѣе несоотвѣтственное одно другому, болѣе далекое одно отъ другаго по условіямъ общественнымъ и хозяйственнымъ.

Точно опредѣлить границы только что характеризованной полосы довольно трудно. Мы выше замѣтили, что съ 70-хъ годовъ XVI вѣка не только въ „польскихъ“, но и въ болѣе сѣверныхъ „украинныхъ“ городахъ, на ихъ посадахъ, образуются слободы приборныхъ людей и водворяется мелкопомѣстная форма служилаго землевладѣнія. Такимъ образомъ, признакъ, по которому всего удобнѣе можно было бы отличить новый военный городъ, — именно, дѣленіе города на спеціальныя военные слободы и отсутствіе посадской общины. — этотъ признакъ усваивается путемъ правительственныхъ мѣръ, и старымъ городамъ, въ уѣздахъ которыхъ поселены дѣти боярскіе „большихъ статей“ и давно налажено традиціонное помѣстное хозяйство. Во всякомъ случаѣ къ городамъ новаго типа относятся Бѣлгородъ, Воронежъ, Осколь, Валуйка, Елецъ, Ливны, Кромы, Сѣвскъ, также Сапожокъ, Печерники, Гремячей и другіе острожки и городки на „полѣ“.

Къ такимъ же городамъ близко стоятъ и нѣсколько другихъ городовъ, изъ числа старыхъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ формы служебной организаціи такъ сказать переходныя. Удѣлявшія отъ XVI вѣка Ряжскія и Епифанскія десяти знакомы намъ лучше всего съ этими формами. Въ Епифани, по десяти 1585 года, было поверстано изъ „казаковъ“ въ „дѣти боярскіе“ 300 человекъ на помѣстья въ 40 и 30 четвертей. Эти „дѣти боярскіе“ дѣлились въ 1606 году на три сотни и служили съ пищальми подъ начальствомъ головъ, не принадлежащихъ къ Епифанской служилой средѣ, — порядокъ, напоминающій обычай приборной службы. А рядомъ съ этими новоположенными мелкопомѣстными служаками видимъ Епифанскихъ же дѣтей боярскихъ, получающихъ въ 1604 году новичные оклады въ 200 и 150 четей. Такимъ образомъ въ Епифани какъ бы два разныхъ слоя служилаго люда: старый и новый. Въ Ряжскѣ существуетъ то же самое. Среди Ряжскихъ служилыхъ людей обычныхъ наименованій, окладовъ и служебъ видимъ дѣтей боярскихъ „ряшанъ въ служивыхъ“.

казацѣхъ“, читаемъ, что одни изъ нихъ „на полѣ казакують“, другіе „у казаковъ въ атаманѣхъ“, третьи сошли „на Донъ безвѣстно“. Мы готовы думать, что понимаемъ разницу между службою „въ служивыхъ казакахъ“ и уходомъ на „поле“ и на Донъ въ вольные казаки. Но далѣе мы теряемся въ догадкахъ, что значить уйти „въ охочихъ казацѣхъ съ Ив. Кобяковымъ“ или „сойти въ вольные казаки съ Вас. Биркинымъ“, теряемся потому, что и Кобяковъ и Биркинъ—люди испытанные на государственной службѣ и не могутъ никого свести безвѣстно, тѣмъ болѣе что и сами они и спешіе съ ними люди, по десятиямъ, не считаются въ бѣгахъ. Не вполнѣ понятенъ для насъ и тотъ служебный „чинъ“, который называется „бѣломѣстными атаманами“, служить „атаманскую службу“, имѣть значительные оклады, до 200 четей. Если не согласиться съ указаніемъ одной Воронежской писцовой книги, что атаманы это тѣ, „которые взяты изъ дѣтей боярскихъ въ ѣздоки“, то врядъ ли можно объяснить себѣ этотъ терминъ и самую службу¹⁾.

Чтобы окончить нашу рѣчь о южной окраинѣ Московскаго госу-

¹⁾ *И. Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, М. 1894, стр. 102, 107—108, 116—117, 208 и вообще три первыя главы (стр. 21—64, 64—101, 101—140).—*Д. Баталинъ*, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. государства, М. 1887, стр. 108—135.—*Его же*, Разборъ труда И. Н. Миклашевскаго въ „Отчетѣ о 37-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова“ (С.-Пб. 1897), стр. 190—194, 208—221 и др.—*Маржеретъ* въ Сказ. современниковъ о Дни. Самозванцѣ, I, стр. 251.—Городскія поселенія Россійск. Имперіи, т. II, стр. 344.—Извѣстія Калужск. Архив. Комиссіи 1894, № 3, стр. 35—36.—Доп. А. И. III, стр. 513, 519 и № 27.—Тула. Матеріалы для исторіи города. М. 1884, стр. 1—2, 14—15.—*Н. Чечулинъ*. Города Моск. государства, стр. 258—260, 265, 280 (ср. 304), 288, 305.—Рязань, Матеріалы для исторіи города, М. 1884, стр. 1—5.—*Н. Чечулинъ*, о. с., стр. 239, 265.—Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города, М. 1883, стр. 1—2.—*Н. Чечулинъ*, о. с., стр. 263—266.—*И. Миклашевскій*, о. с., стр. 95—96.—Бялевъ. Матеріалы для исторіи города, М. 1885, стр. 3.—Писц. книги, над. *Калачова*, II, стр. 1541, 1588—1595.—*Н. Чечулинъ*, о. с., стр. 260—263.—Доп. А. И., VIII, стр. 127, 135, 136; IX, стр. 247.—Статья *И. И. Димитина* въ „Русск. Мысли“ 1883 г., XII, стр. 95 и *В. Липкина*, Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ. С.-Пб. 1884, стр. 98, 106, 113.—Писц. книги *Калачова*, II, стр. 1261 и слѣд., 1588 и слѣд.—Акт. Моск. госуд., I, № 23, стр. 36.—*С. Рождественскій*, Служилое землевлѣдѣніе, стр. 214—215.—Писц. книги *Калачова*, II, 1260 и Указатель, стр. XXXII—XXXV.—*Пискаревъ*, Древніе грамоты и акты Рязанскаго края. С.-Пб. 1854, № 23.—Временикъ М. О. И. и Др. XIII, Приправочная Рязанская книга 121 года, стр. 1 и слѣд.—*В. Сторожетъ*, Десятины. М. 1891, стр. 248, 307, 312, 316, 317, 346, 355, 357, 358 (ср. у *И. Н. Миклашевскаго* стр. 78).

дарства, намъ остается сказать только объ одной отмѣченной современниками особенности этого края. Авр. Палицынъ говоритъ, что въ XVI вѣкѣ для того, чтобы „наполнить воинственнымъ чиномъ“ окраины земли, правительство держалось обычая, „егда кто отъ злодѣйствующихъ осужденъ будетъ ко смерти и аще убѣжить въ тѣ города Польскіе и Сѣверскіе, то тамо забудетъ смерти своея“. Это сообщеніе похоже на правду. Хотя въ московскомъ законѣ мы и не находимъ выраженаго такъ постановленія, но встрѣчаемъ за то указаніе, что правительству была не чужда мысль обратить Украину въ мѣсто ссылки для неблагонадежныхъ людей: въ 1582 году было указано ябедниковъ и клеветниковъ, уличенныхъ на судѣ, „казнить торговою казнію да написать въ казаки въ украинные города Сѣвскъ и Курскъ“. Если правительство находило, что на украинѣ можно терпѣть тѣхъ, кто неудобенъ въ центрѣ, то и сами тѣ, кому становилось неудобно жить въ государствѣ, уходили на Украину, гдѣ былъ еще слабъ правительственный надзоръ и общественный порядокъ. Здѣсь была возможность или устроить свою жизнь по-новому, избѣгнувъ неудобныхъ сторонъ установившагося въ старомъ обществѣ режима, или же, если для этого не хватало силъ и умѣнья, можно было идти на государеву „приборную“ службу и успокоиться на мелкомъ служиломъ помѣстьѣ и въ гарнизонѣ пограничнаго городка. Палицынъ говоритъ, что этимъ выходомъ пользовались холопы, страдавшіе въ тискахъ частной зависимости или прогнанные своими господами. Можно думать, что пользовались этимъ выходомъ и крестьяне, недовольные тѣми условіями, въ какія становился въ исходѣ XVI вѣка крестьянскій трудъ. Всегда и вездѣ Украина даетъ пріютъ обездоленному и недовольному люду; и въ Московскомъ государствѣ на украинѣ ютились тѣ, для кого московскіе порядки XVI вѣка оказались бѣдственными и невыносимыми ¹⁾.

С. Платоновъ.

¹⁾ А. Палицынъ, въ изд. 1822 г., стр. 14, и Русск. Ист. Библ., XII. стр. 482.—А. И. I, № 154, стр. 271.